

По телевизору шёл новостной репортаж о ситуации на западном фронте и о том, как армия Союза отбила нападение Легиона.

Услышав, как к её дому подъехала машина, шестилетняя Нина Ланц подняла голову. Это был один из служебных правительственных автомобилей Союза, украшенный красно-чёрным государственным символом двуглавого орла. Приехал седан стального синего цвета, который всегда привозил ей письма от брата, Юджина.

Её тётя поздоровалась, а потом ей вручили конверт, на котором тоже был изображён двуглавый орёл. Нина подошла поближе, не сомневаясь, что письмо было от Юджина. Он поступил в специализированную военную академию шесть месяцев назад и с тех пор нечасто появлялся дома. Она не видела его уже примерно полтора месяца.

Её добрый, любимый брат был старше на десять лет.

Нина подошла и хотела окликнуть тётю, но застыла, потому что заметила что-то странное в её поведении. Пальцы тёти задрожали. У солдата, который принёс этот конверт, поверх мундира цвета стальной синевы была наискосок надета чёрная лента. Увидев реакцию тёти, он поджал свои губы.

«Что-то случилось?»

«Неужели что-то... произошло с Юджином?»

В этот самый момент новостную передачу в телевизоре, где показывались кадры с западного фронта, вдруг перекрыли ослепительная вспышка и оглушительный грохот.

†

Он пошевелился, и осколки стекла на нём со звоном посыпались на пол. Шин закрыл своим телом Фредерику, защищая её от взрыва. Он привстал. Все стёкла были разбиты вдребезги, а осколки разлетелись во все стороны. Пыль, сыпавшаяся сверху из-за тряски, носилась и танцевала в лучах солнечного света, проникающего в коридор, ведущий в штаб дивизии.

По левой стороне лица потекла кровь. Эту рану, без всякого сомнения, оставил после себя осколок стекла. Шин грубо вытер лицо тыльной стороной ладони. Его уши болели от пронёсшейся над ним ударной волны, прогремевшей в момент, как он бросился на пол.

Увидев, что за сцена открывалась его глазам за разбитыми окнами, он прищурился.

Фредерика, пошатываясь, поднялась на ноги.

— ...Всё закончилось. Шин'эй, каков ущерб?..

— Не смотри.

Не позволив ей ответить, Шин тут же взял её за голову, которая – из-за разницы в росте – смотрела ему в живот, и прижал к себе, целиком закрыв ей обзор. За окном лежали примерно десять километров базы. И трудно было отыскать там хоть намёк на четырнадцатый форпост: крепость вместе со штабом полка, который вмещал в себя пять тысяч солдат, были полностью уничтожены.

И нет, они не превратились в руины. Всё было стёрто подчистую.

Неясный силуэт огромного серого строения вдалеке теперь полностью исчез. Только облака пыли, носившиеся над громадным пустырьём, говорили, что однажды что-то здесь существовало.

Оторвавшись от этого зрелища, он понял, что и штаб, где они были сейчас, не обошёлся без повреждений. Случайный снаряд угодил в один из ближайших к ним ангаров, оставив после себя лишь огромный кратер. Это была бомбардировка с дальнего расстояния неуправляемыми снарядами с высоким круговым вероятным отклонением... А значит, точность была низкой. Всё, что в конце концов осталось – это разрушенные бараки, обломки Ванарганда и разбросанные осколки снарядов, продолжавшие сыпаться сверху, словно дождь. Шин впервые сталкивался с разрушениями такого порядка.

Жильцы же, судя по всему... все до одного погибли. С четырнадцатым форпостом, тоже подвергшимся бомбардировке, дела были, видимо, ничуть не лучше. Он слышал чей-то слабый голос, который звал на помощь. Этот кто-то определённо был под бронетранспортёром, откинутым взрывной волной.

Фредерика вся насторожилась, как только услышала этот голос. Медленно повернув свою шею, она решила одним глазом выглянуть в окно, но, стоило ей увидеть разрушения, её глаза широко распахнулись.

— Э-это...

— Фредерика.

— Кири... сделал это?..

— Фредерика. Возвращайся к себе в комнату и не смотри по сторонам.

Фредерика неожиданно посмотрела на него. Её глаза дрожали и, казалось, в самых уголках уже выступили слёзы.

— Ты же...

— ...Что?

— Ты же не станешь таким же, правда? Ну, как Кири...

— Конечно нет. Я не хочу стать Легионом.

У него не осталось больше сожалений, чтобы задержаться в этом мире после смерти.

Дверь в кабинет командира внезапно распахнулась.

— Старший лейтенант Ноузен, вы в порядке?!

— Ага.

И пусть на нём было немного крови, эта рана, учитывая общую ситуацию, действительно ничего не значила. Грета, прикусив губу, зашла в кабинет.

— Можете ли вы узнать, откуда началась эта бомбардировка? Если мы хотим контратаковать, сначала нужно знать их точное местоположение.

— Могу, но...

Отпустив Фредерику и подтолкнув её, чтобы она пошла в комнату, Шин покачал головой.

— Есть ли у нас средства справиться с ними, когда местоположение будет определено?..
Снаряды были выпущены с расстояния нескольких сотен километров.

†

Когда Союз был только создан, бóльшую часть народных сил пришлось бросить на борьбу с Легионом, и законодательство не было сформировано должным образом; ряд положений пришлось принять в качестве временных мер. Но именно поэтому новые кадры в этой сфере быстро встали на ноги. Касалось это и президента, сохранившего власть над военной и государственной политикой.

— ...Отныне этот тип дальнобойной артиллерийской установки будет называться Морфо*.

[П/П: Род бабочек.]

Президентская резиденция Союза Гиаде, она же «Орлиное гнездо» – Адлер Холст. Во времена Империи здесь находились трон императора, а ещё место, откуда диктаторы, взявшие власть в свои руки, отдавали приказы. Зал для собраний в этом величественном дворце в стиле торжественной и грозной архитектуры поздней Империи теперь служил залом для заседаний совета гособороны.

Места в этом зале были расположены концентрично*. Эрнест занимал место по центру в первом ряду и просматривал проецировавшуюся в воздухе трёхмерную модель западного фронта.

[П/П: Ряды, расположенные по кругу, и имеющие общий центр]

— Первую атаку составили пятьдесят пять снарядов, попавшие в четырнадцатый форпост восьмого сектора армейского корпуса. Спустя семьдесят две минуты на тринадцатый форпост обрушился шквал из сорока пяти снарядов. Спустя пятнадцать часов пятнадцатый и тридцатый форпосты, принадлежащие пятому пехотному корпусу, были обстреляны пятьюдесятью снарядами каждый.

На трёхмерной модели из четырёх точек, указанных на территории Легиона, вышли линии. В верхней же части модели появились четыре дополнительных экрана, на которых проецировались кадры текущего состояния каждой базы после бомбардировки: все они показывали лишь одно – база, которой должно стоять на этом месте, исчезла без следа. Единственный признак, что когда-то здесь что-то существовало – несколько огромных кратеров.

— В результате этой атаки каждый форпост был уничтожен. Двадцать тысяч солдат, размещённых на этих базах, также были убиты.

Не прошло и дня, а четыре передовые базы... вместе с двадцатью тысячами солдат и персоналом... просто исчезли. Даже в ровном голосе аналитика, когда он излагал отчёт, проскальзывали скрываемые эмоции.

— Итак, наша текущая гипотеза, основанная на мощности применённого против нас оружия, заключается в том, что снаряды были выпущены из 800-мм орудия. Максимальная дальность составляет четыреста километров, а начальная скорость – восемь тысяч метров в секунду... Мы пришли к выводу, что противник обладает рельсовой электромагнитной пушкой.

Эрнест прищурился. Рельсовая пушка – это орудие, стреляющее токопроводящими снарядами, которое выпускает их с помощью специальных направляющих по бокам. Требующиеся ей количества энергии слишком огромны, и снизить эти затраты считалось слишком трудной задачей. Однако это орудие способно выпускать снаряды с высочайшей скоростью, артиллерийский же предел составлял две тысячи метров в секунду.

Снаряды в результате обладали огромной разрушительной силой: вес самой боеголовки умножался на скорость. Возможно, на момент столкновения сила будет чуть меньше, но это

всё ещё снаряд, летящий со скоростью восемь тысяч метров в секунду, его вес легко мог достигать нескольких тонн.

Что уж говорить об обычной базе, даже укреплённая просто рассыпалась бы, будто замок из песка, принимая на себя такую атаку.

— «Восемьдесят шесть», кажется, упоминали это в своих отчётах, когда мы взяли их под защиту.

— Да, только вот... мы не успели подготовить контрмеры.

Большая часть сотрудников исследовательского бюро, которые работали в военных лабораториях, где на свет появился Легион, в конце концов сдались старому режиму. Их базы вместе с персоналом были захвачены самим Легионом, знания – или, точнее сказать, структура мозга – были полностью поглощены Легионом. А теперь, когда Союз остро нуждался в учёных умах, создавших это оружие Империи, у них не было даже технических возможностей для создания оружия, которое могло бы что-то противопоставить оснащению их противника.

— Промежуток в пятнадцать часов между вторым и третьим залпами, вероятно, был вызван большой нагрузкой на ствол самого орудия. Мы воспользовались этим моментом для подготовки всех крылатых ракет на западном фронте, и вскоре после четвёртого залпа выпустили их по противнику. Мы не имели возможности наблюдать результат, поэтому точную оценку последствий мы дать не в состоянии, но, предположительно, Морфо был нанесён значительный ущерб.

Создаваемые подёнками помехи не позволяли вести огонь из управляемого оружия в таких зонах. Конечно, когда речь шла о нескольких десятках километров, ещё была возможность запустить управляемую ракету для бомбардировки целого поля боя, но точно нацелиться на объект примерно со здание величиной на расстоянии в несколько сотен километров было уже невозможно.

Поэтому для обеспечения попадания им необходимо было компенсировать этот недостаток количеством, выпустив все крылатые ракеты малого размера, коими располагали. Как бы то ни было, в сражении против Легиона они всё равно были бесполезны, а на их производство тратилось уму непостижимое количество ресурсов и времени. Запуск же GPS-спутников означал, что Союз редко пользовался этими ракетами.

— Тот факт, что Морфо прекратил бомбардировку, судя по всему, служит подтверждением нашей точке зрения. Однако, судя по показаниям Эспера, мы не сумели уничтожить цель полностью.

Под «Эспером» имелся в виду Шин. Эрнест совсем недавно узнал о его способности, но не винил его в том, что тот ничего не рассказывал. Родина «восемьдесят шесть» лишила их человеческих прав, превратив последних в живое оружие. Они лучше кого бы то ни было знали о том, что подходящим предлогом человеческое общество может оправдать в своих глазах

абсолютно любую жестокость. Вероятно, они не хотели, дабы их взяли в заложники, убили или сделали что-нибудь похуже, чтобы заполучить в руки Союза удобную и точную систему предупреждения.

...Но в действительности, если бы сила Шина проявила себя в любой другой ситуации, их опасения должны бы были подтвердиться. Спектр способностей Шина, как ни ужасно это признавать, был слишком велик. «Восемьдесят шесть» никогда бы больше не позволили отправиться на поле боя, их отправили бы в лабораторию, на надёжную базу рядом со столицей, и держали бы там, как птиц в клетке.

Эрнест, глядя на прикреплённую скрепкой к его личному делу и отчёту фотографию Шина прикусил губу. Он скрывал свою силу, прекрасно осознавая риски. Но, несмотря на это, ситуация была настолько тяжёлой, что тот всё же сообщил об атаке на западный фронт, пусть это могло быть – а вернее, наверняка бы стало – его разоблачением.

Сердце Эрнеста наполнилось гневом и чувством стыда оттого, что возможность такого сценария не позволила Шину прийти к нему за советом. Трудно было бы предположить, что Шин действительно этого боялся, зная его пятилетний опыт борьбы с Легионом. Но смотреть на огромную армию, марширующую прямо на них, не имея возможности об этом сообщить, было, скорее всего, невыносимо.

Силуэт – он же голограмма с настолько низким разрешением, что присутствующие могли разглядеть лишь черты лица – неторопливо двинулся к передним рядам зала для заседаний.

— К вопросу об оценке причинённых повреждений: самоходный аппарат, который запустили мы, Объединённое королевство, в этот момент смог запечатлеть Морфо. Конечно, о прямом попадании речи не идёт, но вы нанесли сокрушительный удар.

Это был наследный принц Объединённого королевства Роа Грации, Зафар Идинарок. Он был представителем страны, а его голограмма передавалась по линии связи, сохранившейся лишь из-за отступления Легиона, в том числе подёнок. Удивительно, но именно наследный принц, а не его младший брат, командовал южным фронтом, на котором Объединённое королевство сражалось против Легиона.

Власть наследного принца уступала лишь власти короля, и он, к тому же, был верховным главнокомандующим, что чётко давало понять, насколько большую угрозу представлял Морфо для Объединённого королевства.

Худая пожилая женщина – точнее, её голограмма – приоткрыла рот, взяв слово. Она была офицером альянса Вальде, под командованием которой находились северные силы обороны. Обращались к ней как к генерал-лейтенанту Бэлл Эгис.

Альянс с самого его основания проводил политику всеобщей воинской обязанности, поэтому на службу призывались как мужчины, так и женщины. Они придерживались вооружённого нейтралитета, и по сей день ничего не изменилось.

— Если вы сумели подобраться так близко, неужели машины вашей страны не могут избавиться от Морфо?

Наследный принц лишь улыбнулся.

— Да, печально это признавать, но сейчас им не хватит свободного места, чтобы развернуть хоть что-нибудь, способное совершить такой подвиг. Уверен, вы уже поняли, что возможностью проникнуть на территорию Легиона – даже на относительно ровной местности – они обязаны своему небольшому размеру. Да, именно... Можно даже сказать, что с позиции вооружения их грузоподъёмность сравнима с тем, что сумела бы поднять молодая девушка. К тому же, несколькими машинами нам пришлось пожертвовать, чтобы аппарат сумел проникнуть так далеко на вражескую территорию. Разумеется, моему младшему брату пришлось непросто. Прошу вас, не требуйте от меня невозможного.

Возможно, именно поэтому младшего брата и не было на этом собрании. По словам принца, под «аппаратом» имелся в виду разведывательный или наблюдательный дрон небольших размеров, управляемый на расстоянии. Если управлял им его младший брат, нетрудно было предположить, что в данный момент он не был совершенно свободен.

Генерал-лейтенант Эгис усмехнулась.

— Хо, а это... столь благородно с вашей стороны.

Они не просто пожертвовали машинами в целях разведки. Это была ещё и демонстрация их воинской доблести.

— Знаете, держать секреты от моих партнёров в будущей совместной операции было бы неправильно, вам так не кажется? Доверие – это ведь тот фундамент, что объединяет людей и страны.

Скорее всего, он лукавил.

Он превозносил достижения своей страны, подчёркивал принесённые жертвы и всячески демонстрировал силу, которую предлагал. Выдвигая собственные требования и пытаясь контролировать другие стороны, он шёл на своего рода авантюру, чтобы обеспечить Объединённому королевству благоприятные условия в предстоящей совместной операции.

Сидя на противоположных концах переднего ряда, расположенного полукругом, представители двух стран сверлили друг друга взглядом. Сидевший между ними Эрнест улыбнулся. Уже десять лет все они отстаивали противоположные точки зрения, но так и работает дипломатия. Так страны поддерживали международные отношения.

Генерал-лейтенант Эгис холодно улыбнулась.

— Неплохо сказано, Ваше величество... В таком случае, быть может, вы поделитесь с нами тактическим алгоритмом Легиона? Ведь именно ваша страна разработала модель Марианны, на которой был основан искусственный интеллект Легиона.

Принц ответил на эти слова со свойственной ему улыбкой:

— Разумеется, поделюсь, генерал-лейтенант... Но с условием, что вы раскроете информацию о физических характеристиках машин Легиона. Это ведь ваш альянс первым разработал технологию, позволившую многоногому мобильному оружию передвигаться быстрее, чем на гусеничном движителе?

Между двумя представителями воцарилась неловкая тишина. Эрнест вздохнул и взял слово, чтобы вмешаться. Что бы они себе не думали о дипломатии, на подобные споры времени не было. Тем более, Союзу невыгодно продолжать этот разговор. Из трёх стран, присутствующих на этом заседании, именно их предшественница – то есть Империя – выпустила Легион на континент.

— Думаю, сейчас нам стоит сосредоточиться на уничтожении Морфо... а также избавиться от машины с человеческим интеллектом.

— Альянс подтверждает существование разумной машины Легиона командирского типа... Каждый раз, когда она принимает командование, сражение на линии фронта становится намного ожесточённое.

— Изначально слабость Легиона, несмотря на численное и боевое превосходство, заключалась в простоте их тактик. Появление в их рядах подобных командирских машин, способных закрыть эту слабость, действительно можно считать той ещё занозой.

Генерал-лейтенант Эгис села поглубже на своё место и взглянула наверх.

— ...Массированное наступление вполне может быть уловкой, чтобы вытянуть наши войска на открытое пространство, собрав их в одном месте. Очень раздражает, что этот металлолом может быть настолько хитёр.

— Надеюсь, что Республика, так эффективно воспитавшая солдат, не только отказавшись подбирать своих мёртвых товарищей с поля боя, но и посылая своих превосходных солдат в самую глубь территорий Легиона, теперь всерьёз размышляет над совершённой ошибкой... Если, конечно, эта Республика ещё существует.

Принц слегка покачал головой. Когда Союз, взяв под свою защиту «восемьдесят шесть», узнал о проводимых испытательных залпах Морфо, естественно, им пришлось поделиться с двумя другими странами обстоятельствами спасения солдат и причиной, по которой они были изгнаны.

— Ну, это дурачье цеплялось за свою пустую риторику о том, что они демократическая республика с равными правами для каждого, даже когда все расы, кроме своей, они обобщили под названием Колората. Отличия ведут к дискриминации, а дискриминация – к гонениям. Не скажу, что случившееся меня удивляет... Однако я действительно сочувствую убитым братьям и даже тем «восемьдесят шесть», которые не принадлежат к нашему наследию, потому как они тоже подверглись гонениям.

Принц, тяжело вздохнув, перевёл взгляд на аналитика, который всё это время просто стоял молча. Он исполнил рукой отработанное изящное движение.

— Приношу извинения за то, что прервал ваш отчёт. Продолжайте.

— Спасибо.

Аналитик, конечно же, испытывал к другой стране уважение, но он не обязан был подчиняться их приказам. Обратив своё внимание на слегка кивнувшего головой в ответ Эрнеста, он понял знак и продолжил.

— Хорошо, тогда я продолжу. Судя по скорости, с которой он движется, и позициям, с которых вёлся огонь, мы предполагаем, что Морфо использует для передвижения старые высокоскоростные железнодорожные пути. Нынешнее его местоположение – неподалёку от старой международной границы, железнодорожный вокзал города Крейцбек. С этой позиции оружие может вести огонь по любой из баз на западном фронте Союза, охватывая также вторую столицу Объединённого королевства, Хите Бёрч, вторую столицу альянса, Эстохорн, и вторую столицу Республики, Шарите. Ещё мы предполагаем, что Морфо может свободно перемещаться по рельсам, разбросанным по территории Легиона и зон конфликтов.

Трёхмерная модель боевых действий теперь стала двухмерной картой с высоты птичьего полёта. На покрытой сеткой карте были отдельно выделены высокоскоростные железнодорожные пути, а сверху на них накладывался четырёхсоткилометровый радиус обстрела Морфо. Сидящие в зале для заседаний армейские и правительственные служащие, включая двух не в меру хитрых представителей, нервно сглотнули от этого зрелища.

— Столица Союза, Санкт-Йеддер, столица Объединённого королевства, Аркс Штирия, столица альянса, Капелла, а также административный округ Сан-Магнолии также попадают в зону обстрела.

Это были действующие столицы того, что, быть может, было последними остатками человеческого влияния после того, как Легион пронёсся по континенту. С точки зрения обороны, между страной и змеей было не так уж много разницы: та и другая гибла, когда им отрубали голову.

— Исходя из предполагаемых темпов производства, которых способен достичь Вайзел, у нас есть примерно восемь недель, прежде чем Морфо будет отремонтирован и готов к новым залпам. И если мы за это время не придумаем, как с ним справиться, то... мы проиграем.

— У нас есть надёжный способ ему противостоять? — тихо спросил Эрнест.

Аналитик нахмурился.

— Командование западного фронта, конечно, запросило в дополнение наше заключение, но отдел аналитики постановил, что...

— ...Мы не сможем эффективно бороться с высокоскоростной бомбардировкой с такого расстояния.

Объединённое командование западного фронта разместилось в старом замке, что десять лет назад являлся виллой одного дворянина. Он служил штабом. Конференц-зал был полностью закрыт: не имелось окон. Это было тёмное помещение с каменными стенами. Светящийся голографический экран проецировал изображение на круглый стол в центре зала. Он освещал лица командующих отрядами западного фронта, а также всех подчинённых им сил резерва и их заместителей. Тени, которые отбрасывали стоящие позади, плавали по стенам, словно призраки.

— Зенитным орудиям просто не хватит скорости и плотности огня, чтобы сбивать снаряды; да и в целом, даже если 40-мм автоматическая пушка смогла бы точно поразить снаряды, едва ли у неё есть шанс против боеголовок весом в несколько тонн.

Окружённый голографическими экранами, начальник штаба продолжил объяснение, не выказывая никакого волнения. Он был молод и имел изящную наружность, типичную для жителей Империи. Это был предыдущий владелец замка, а также сын высокопоставленного дворянина, всё ещё располагающего немалым влиянием в области тяжёлой промышленности. Но несмотря на свою родословную, его нельзя было назвать ни на что не годным, достигшим своего положения лишь из-за наследства человеком.

Сын аристократического дома в бывшей Империи, он получил специальное образование в сфере, где преуспела его семья – боевое лидерство. Он так много в этом понимал и обладал таким опытом, что остальные на его фоне казались дилетантами. Оружие, созданное бывшей Империей – в том числе и Легион – было настолько развитым технологически, что считалось, будто они опередили своё время на сто лет. Это стало возможно только потому, что в этой самой Империи удалось воспитать таких талантливых людей, как он.

— Мы уже собираем крылатые ракеты с других фронтов, но гарантий всё равно никаких. Мы не можем ими управлять, а из-за низкой скорости они лёгкая добыча для «Дикобразов». К тому же, сам Морфо обладает весьма мощным зенитным вооружением.

На мгновение голографический экран потемнел, а потом на нём стало проигрываться чёрно-белое видео в низком разрешении. Это должны были быть кадры, снятые дроном

Объединённого королевства, которые военные Роа Грации предоставили Союзу.

На фоне виднелись руины города и небо, затянутое облаками. Само видео снималось с довольной низкой точки: примерно с высоты человеческого роста. На краю экрана что-то вдруг вспыхнуло, затем последовала серия из взрывов в воздушном пространстве. Несколько крылатых ракет, которым удалось добраться до цели, в результате были сбиты. Лишь одна из них прошла сквозь заградительный огонь и, активировав самонаведение, устремилась к массивному объекту за руинами. Ракета сдетонировала рядом с целью, подвергшись зенитному обстрелу. На этом видео остановилось.

— В данный момент это наиболее вероятный исход, каким бы методом мы не воспользовались... У артиллерии просто не хватит дальности, а с развёрнутыми подёнками и дикобразами нам не получить превосходства в воздухе. Воздушная атака, судя по всему, невозможна.

Помимо «Дикобразов» в качестве противовоздушной обороны Легиона выступали «Подёнки». Помимо своей основной роли создания электронных помех, они ещё и атакуют приближающиеся самолёты, вставая у них на пути и пытаясь заблокировать выпускные механизмы. Механические бабочки всегда были естественным врагом истребителей и, в какой-то степени, самым ужасным оружием Легиона.

— Опять же... — вмешался один из командиров, который перевёлся из воздушных сил.

— В тылу, возможно, есть ещё пилоты-транспортёры, но все пилоты истребителей и бомбардировщиков сменили профессию на операторов Ванарганда... А за последние десять лет большинство из них погибло. Даже если бы мы решили нанести авиаудар, едва ли найдутся ещё выжившие, способные пилотировать.

— И поэтому...

Командиры отрядов разом уставились на командующего западным фронтом, который кивнул им в ответ.

— Единственный выбор – уничтожить его в прямом столкновении с нашими наземными войсками.

В конференц-зале воцарилась давящая тишина. Глубже опустившись в своё сиденье, командир резервного отряда тяжело вздохнул.

— Это должна быть наступательная операция на территории Легиона, все силы западного фронта будут задействованы... Прорыв напрямик через захваченные Легионом территории, длина марш-броска – сотня километров...

Этот план нападения был настолько безрассудным, что даже военные офицеры-ветераны

Союза, закалённые за десять лет сражений с превосходящим их и по количеству, и по качеству врагом, могли думать об этом лишь как о полном безумии. Выживаемость среди солдат и офицеров, участвующих в этой операции, будет чрезвычайно низкой. Однако в случае их поражения, западный фронт – если не весь Союз – окончательно падёт. И даже если в теории шансы на успех близки к нулю, у них просто нет другого выбора, кроме как попытаться.

— ...Силы западного фронта сократились на двадцать четыре процента после последнего массированного наступления. Число включает подкрепления и резервы. Очевидно, нам не удастся перебросить никого с других фронтов, а значит, только мы будем участвовать в этой операции.

— Конечно, численность Легиона также сильно сократилась, только вот...

— Они совершенно на нас не похожи, это касается и способности к репродукции. Исходя из разведанных, сейчас на западном фронте у них развёрнуто пять отрядов. Думаю, об этом не нужно напоминать, но «Вайзел» на их территории по-прежнему невредим, поэтому через два месяца их силы, вероятно, возрастут... Ха, Эспер под боком, способный предсказать нашу гибель – весьма удобно.

Заместитель командующего пятым пехотным отрядом держал в руке один-единственный лист бумаги с отчётом. Он был написан как личное дело, но к нему не было приложено никакой фотографии. Конечно же, присутствующие прекрасно понимали, почему. Замолкнув на мгновение, заместитель командующего печальным голосом продолжил:

— Кого бы мы не отправили туда, чтобы уничтожить Морфо... правильнее было бы назвать его жертвой.

— Верно... Именно поэтому нам нужно выбрать тех, кто справится с этой задачей.

Тех, о ком никто не станет скучать.

— Тех, о чьей потере мы будем меньше всего сожалеть.

— Тц...

Начальник отдела анализа информации, сидевший прямо напротив, обратил внимание на это цоканье.

— Что-то не так, старший лейтенант Ноузен?

Он походил на типичного сурового офицера, но в его вопросе не было слышно обеспокоенности или подозрительности. Скорее, он волновался за него. Шин не смог ответить сразу. Сейчас голос офицера казался ему далёким и слабым... Тем более, в этот момент вопли механических призраков без конца лезли ему в уши, рассказывая об их местоположении...

— Старший лейтенант?

Только после второго оклика Шин, наконец, пришёл в себя. Он сидел в кабинете аналитики на базе 177-ой бронетанковой дивизии. Вот уже несколько дней он был занят выявлением положения противника, «оказывал сотрудничество» дивизии при подготовке к операции, как его попросили.

Смахнув в сторону голографический электронный документ, который можно было чётко разглядеть лишь под определённым углом, старший офицер наклонил голову, прямо как охотничья собака.

— Может, тебе нужен отдых? Ты же слушаешь их с самого утра. Да, слышишь голоса Легиона ты постоянно, но совсем же другое дело на них концентрироваться.

— Нет.

Шин покачал головой, дав понять, что с ним всё в порядке. Старший офицер, вздохнув, поднялся на ноги.

— ...Верно. Вы же, ребята... прямо как какое-то расходное оружие.

В его голосе не было призрения или насмешки. Это было просто наблюдение. Повернувшись к Шину широкой спиной, он подошёл к шкафу, стоявшему в другом конце кабинета. Потом он достал что-то вроде своего личного чайного сервиза и особую прихватку, которая не давала чайнику остыть.

Граждане Союза на удивление любили чай; но поскольку чайные листья росли в основном на востоке континента, пили они только изготавливаемый на заводах синтетический чай с отчётливым лекарственным ароматом. Запах стал медленно наполнять кабинет.

— Оружие в человеческой форме. Расходуемое и... заменяемое, если вы всё-таки сломаетесь. Ты так привык всё время притворяться, что сам никогда не замечал собственной усталости. И даже когда ты действительно был сломлен, то всеми силами игнорировал тот факт, что тоже можешь чувствовать боль, и продолжал сражаться, пока ещё способен был двигаться. Измученный, напуганный, переполненный ненавистью, ты всё равно сталкивался лицом к лицу с Легионом.

Он вернулся с двумя чайными чашками в руках и поставил одну перед Шином. Сразу же, не

саясь на своё место, он сделал глоток из своей чашки.

— Ты слишком бледный. Это уже не то «поле боя без погибших», к которому ты привык. Здесь мы понимаем, что каждый человек, сражающийся за нас, – это в первую очередь человек с собственной жизнью. Так что давай, расслабься, пусть твой порог боли и усталости станет ниже. То и другое – это тревожные сигналы, опасно так долго их не замечать... А пока ты отдыхаешь, пусть за врагом следят они.

Его глаза обратились на соседний кабинет за стеклянной перегородкой. Там работали красноволосые Пиропы с красными глазами и офицеры, одетые в форму цвета стальной синевы. Некоторые потомки аристократических родов унаследовали уникальные способности, поэтому Пиропы, в чьих венах текла кровь аристократов-Руберов, развили в себе телепатические способности. Они были весьма востребованы: Пировы вербовали как разведперсонал или для допросов.

— Запомни: в гуманном мире ни одного человека нельзя заменить другим... К лучшему это или к худшему.

Бесчисленное множество солдат, получивших ранения в ходе массированного наступления, было отправлено на лечение, дабы снять нагрузку с линии фронта; но в столичном военном госпитале, расположенном глубоко в тылу, в воздухе по-прежнему стояло душливое отчаяние.

Не в силах больше выносить гнетущую тишину в палате, Эрвин Марсель, пользуясь костылями, к которым уже привык, направился к выходу, стараясь не наступать на сломанную правую ногу.

В больнице у него не было знакомых. В ходе наступления большая часть его товарищей по роте была убита... Как и многие его сверстники из специальной офицерской академии. Некоторые из них ещё сражались на западном фронте, а другие просто исчезли. Прямо как его одноклассник из средней школы, поступивший в ту же специальную офицерскую академию, что и он. Они даже попали в один отряд... Его звали Юджин, и он умер совсем недавно.

Информация о новом типе Легиона, точнее, о его возможностях, и приблизительная оценка причинённого им ущерба поступили гражданам по новостям. Из больничных помещений можно было видеть улицы Санкт-Йеддера: там воцарилась тишина. Подобно животным, укрывшимся перед надвигающейся бурей, люди, затаив дыхание, разбежались по своим укрытиям. Все они, погрузившись в напряжённое молчание, выжидали, когда ситуация наконец изменится.

Свобода информации была фундаментом современной демократии, и невозможно было скрыть произошедшее. Уничтожение четырнадцатого форпоста, первым подвергшегося бомбардировке, также транслировалось по телевизору. Глупые попытки это скрыть лишь вызвали бы восстания на почве дезинформирования. Видимо, поэтому в правительстве и

считали, что нужно всегда освещать только правду.

И, кажется, это убеждение приносило свои плоды: несмотря на случающиеся местами вспышки паники и хаоса, в целом граждане Союза сохраняли спокойствие. Отступит ли западный фронт или падёт, столица в любом случае попадает в радиус залпа Морфо. Некоторые люди решили бежать, но большинство всё же продолжало жить своей обычной рутиной.

Правда, так было оттого, что в глубине души они понимали: пусть Союзу удавалось успешно оборонять от Легиона половину территории, он всё равно был окружён со всех сторон. Бежать просто некуда.

— ...М-м.

Больница считалась военным объектом, гражданским вход был запрещён. Только катастрофа или ЧП могли стать поводом для исключений, и всё же Марсель приметил маленькую фигурку человека, стоявшую у пустых, не считая часовых, ворот. Попытавшись её разглядеть, Марсель подошёл ближе и понял, что это была девочка, с которой он был знаком. Они познакомились, когда однажды он заходил в гости к своему однокласснику; его младшая сестра.

Младшая сестра Юджина.

— И что ты задумал, карапуз?

Услышав, что к ней обращаются, она вздрогнула и повернулась к нему лицом. Он сразу вспомнил ту улыбку на лице Юджина, с которой тот рассказывал про её робость. Сам Юджин был общительным парнем, поэтому в шутку задавался вопросом: в кого же она пошла.

...Поэтому он и связался с тем Богом Смерти из дальних земель.

Взглянув на Марселя, она удивлённо заморгала своими большими серебристыми глазами, потому что поняла, что её узнали. Ей не разрешали войти, и он сам вышел за ворота, а девочка маленькими шажками подошла к нему.

— Я вот Юджина ищу... только они почему-то меня не пускают.

Марсель украдкой посмотрел на охранников. Они были старше него на несколько лет и стояли по стойке смирно с автоматами за плечами. Часовые отвели взгляды, явно смутившись. Естественно, они упорствовали не из злых побуждений. Пусть она просто маленькая девочка, правила есть правила.

Забыв на секунду о часовых, Марсель поджал губы. Потом, несмотря на сломанную ногу, он присел на один с ней уровень и посмотрел ей прямо в глаза.

— ...Они же сказали, что Юджин вернулся.

Солдаты Союза никогда не бросали своих товарищей и возвращали их назад, даже если от них оставались одни останки. Их всегда подбирали и возвращали их семьям. Так же было и с Юджином. Его гроб вместе с ранеными был отправлен назад на специальном поезде снабжения незадолго до начала массированного наступления.

Только вот это было ужасно тихое возвращение домой, ни капли не похожее на то, о чём мечтала девочка. Нина покачала своей головкой, а две её аккуратно уложенные косички мягко закачались, будто стайка светлячков.

— Но он не вернулся. Юджина не привезли домой... Они привезли назад только ту коробку.

— Гх...

Марсель закусил губу. Когда останки убитого солдата были в совершенно непригодном для глаз гражданских состоянии, его хоронили в заколоченном гробу. Скорее всего, так и было с Юджином. Наверху решили не показывать его семье труп человека, лишившегося половины тела и получившего пулю в голову.

Но малышка Нина была ещё слишком мала, чтобы осознать, что такое «смерть»... Как не пытайся объяснить на словах, что тот гроб с государственным гербом и есть то, что осталось от Юджина, она всё равно этого не поймёт.

Марсель впился своими губами в нижнюю губу. Он снова вспомнил ту сцену на полях боя на западном фронте, глубоко в лесу. Она была окутана таинственным зеленоватым туманом. Ребёнок, уже солдат... Притягивающий взгляд злобный Бог Смерти, одетый в окровавленную форму пилота, небрежно встающий на ноги, с дымящимся пистолетом в одной руке, нужным ему, чтобы отнять жизнь у своего товарища.

Разумеется, избавить умирающего от страданий считалось милосердием на поле боя. Так его мозг уничтожался, значит, Таузендфесслер не заберёт с собой тело во время «охоты за головами» и не превратит его в Легион.

Но если и так...

Из-за этого поступка Нина так и не смогла попрощаться со своим братом. Технически, он и правда вернулся домой, но у неё в голове это никак не вязалось с тем, что он уже мёртв. Думал ли он об этом, когда нажимал на курок?

«Думал ли ты об этом, Ноузен?»

«Ты, так называемый Восемьдесят шесть... Ты способен вот так легко пристрелить друга, и

глазом не моргнув... Точно настоящий Бог Смерти...»

— ...Юджин... мой братец...

Марсель отвёл взгляд, не в силах больше смотреть в эти большие невинные серебряные глаза. Он не мог ответить на застывший в них вопрос: «Где же ты?» Ещё он чувствовал, что глаза Нины обвиняют его и осуждают, даже против её воли.

«Почему?» - спрашивали они. - «Почему же ты не спас моего братика?»

Но в тот момент это был не я.

Это был он.

Он не спас его.

Он не защитил.

Он был рядом, но не сделал этого...

Пусть они были друзьями, он всё равно выбрал холодный, бесчувственный Регинлейв.

Он бросил Юджина.

Обвиняй его, не меня.

Именно он убил Юджина.

И в этот момент Марсель вдруг кое-что понял.

Он свысока смотрел на граждан Республики Сан-Магнолии из-за бесчеловечной дискриминации и гонений на тех, кого они прозвали «восемьдесят шесть». Но теперь он понял, почему так вышло.

Когда люди сталкиваются с чем-то несправедливым, неправильным, они всегда пытаются переложить вину за свою беспомощность на кого-то ещё...

...Сделать виноватым другого.

— Юджин...

Когда это слово слетело с его губ, Марсель даже не заметил, как на его лице застыла злобная улыбка.

†

— Да, в этом есть смысл. Ведь мысль о том, что Легион может в любой момент разнести всю базу, не оставив даже руин, приведёт лишь к панике.

Крена говорила безо всякого энтузиазма, попутно с жадностью поглощая яичницу и ощупывая глазами всё вокруг, будто ко всему безразличная домашняя кошка. Они сидели в столовой 177-ой бронетанковой дивизии. Были мобилизованы резервные войска, и завтракающих стало ещё больше, но всё равно вместо шумных бесед за едой стояла приглушённая, напряжённая атмосфера.

Попивая заменитель кофе из бумажного стаканчика, заговорила Анжу:

— Это же новая машина Легиона, верно? Морфо, кажется. Сказали, что пройдёт ещё два месяца, пока она снова не заработает. А до тех пор на нас вряд ли кто-нибудь нападёт.

— Да, но это заключение основано на кадрах, полученных от другой страны, с которой не было контакта вот уже десять лет... Видео, которое обрывается через пять секунд из-за электромагнитных помех, а ещё показания «восемьдесят шесть», обладающего экстрасенсорным восприятием – способностью, которую Союз никак не может объяснить. Не удивительно, что эта версия под сомнением. Даже в Республике процессоры просто не верили Шину, пока сами не услышали, — сказал Сео, запихнув себе в рот одну из сосисок, какими так славился Союз.

Анжу вздохнула в ответ, признавая его правоту. В самом деле, было удивительно, что высшее руководство такой рационалистически настроенной организации, как «армия», вот так легко приняло существование у Шина его способностей.

— Они ещё и рассказали обо всём публично, но в панику никто не ударился. Военные Союза своё дело знают.

— Точно. Были б это белые свиньи из Республики, наверняка бы обделались на месте и бросились бы бежать.

Сео усмехнулся, но улыбка быстро исчезла с его лица.

— ...Интересно, как у них там, жива ли майор?

— Сео.

Сео прикусил язык, словно его в чём-то упрекнули. Чувствуя на себе чужие взгляды, Шин поднял брови.

— Что?

— Ха? Что ещё за «что»? Не говори только, что ты об этом ещё не задумывался.

Райден, увидев, что Шин так его и не понял, вздохнул с заметным раздражением.

— ...Из-за всей этой ситуации с Морфо люди в Союзе поняли, что завтра их, возможно, уже не станет. Все при этом знают, что ничего не могут с этим поделать.

На поле боя так было всегда, вот только не все над этим задумывались. Такое положение было странным для существ, которые так стремились жить. Крена гордо выпятила грудь и заявила:

— Но для нас-то это очевидно.

Жизнь на поле боя, где нет гарантий, что наступит завтра. Рано или поздно «восемьдесят шесть» должны были умереть.

Но Шин не мог отбросить эти мысли. Не бояться смерти, даже заглядывая ей в лицо... Принять тот факт, что завтра ты можешь умереть... Возможно, для того, чтобы выжить на полях сражений Союза, к этому нужно было привыкнуть... И всё же, сам не зная, почему, он чувствовал, что этим нельзя гордиться. Быть может, не страшиться собственной смерти – при этом верить, что всё будет хорошо, даже если смерть наступит завтра – было слишком...

Как только он заметил, что Фредерика аккуратно поглядывает на него сбоку, Шин обрубил поток своих мыслей.

— Шин'эй? Тебя что-то беспокоит?

Шин услышал этот вопрос и понял, что, возможно, уже долго сидит молча.

— Нет, ничего.

Сео легонько ткнул Шина вилкой, которую держал в руке.

— Что, устал? Нас тогда атаковало столько машин Легиона, для тебя там, наверно, было оглушительно громко... Ты так усердно прокладывал путь.

— Уверена, ты вообще не видел, что творится вокруг. Мне кажется, тогда ты впервые не сумел определить, что Легион уже отступает.

— ...

Шин понял, что в словах Анжу была доля правды.

— А я, между прочим, пыталась связаться с тобой через парарейд, но ты так и не ответил... Это же на тебя не похоже, правда?

— ...Ты пыталась синхронизироваться со мной?

— ...А ты и этого не заметил...

Тяжело – совсем не по-детски – вздохнув, Фредерика посмотрела на остальных. Её чёрные шелковистые волосы потекли по плечам.

— Не стоит ли всем вам, и Шин'ю тоже, воспользоваться этим затишьем и отдохнуть? Война в Республике и война в Союзе – совершенно разные вещи. Разве вы не вымотаны?

В Республике у солдат не было ни поддержки, ни командования, никто не пытался их организовать. У «дронов» не было чёткого устава, а способность Шина следить за передвижениями Легиона дарила им свободное время, которым они распоряжались, как хотели. Но в Союзе, в котором за десять лет сражений с Легионом укрепилась действующая структура армии, это было невозможно. Пусть так, но всё же...

— В такие-то времена? Мне кажется, сейчас кому угодно сложно не выбиться из сил.

— Но ведь забота о психическом здоровье солдат – это одна из обязанностей армии. Честно говоря, многие солдаты примерно ваших лет из специальной офицерской академии после массированного наступления были отправлены в тыл. И знаете, что? Их отправили туда с диагнозом «невроз». Вы же «восемьдесят шесть», как-никак. Если попросите, уверена, это примут во внимание.

Крена тут же недовольно нахмурилась.

— О чём ты? Нет, не хочу. Не желаю, чтобы с нами из жалости обращались по-особенному.

В столовой стоял гул голосов, но её высокий голос отозвался во всём помещении. Множество взглядов невольно обратились на них, и в следующий миг атмосфера стала ещё более натянутой, будто кто-то разлил холодную воду.

...Восемьдесят шесть. Они услышали, как кто-то это сказал. Монстры, выращенные Республикой. Этим монстрам лучше было бы противостоять монстрам на своей земле, но они лишь «призвали» других чудовищ к чужому крыльцу.

Витавшая в воздухе злоба заставила Фредерику нервно сглотнуть. Однако Шин и остальные будто бы и не обращали на это внимания. Почему же всё так вышло? Их заставили сражаться под предлогом, будто «восемьдесят шесть» виновны в поражении Республики перед Легионом. Шина же, в чьих жилах текла кровь Империи, с его способностями сторонились даже сами «восемьдесят шесть», считая его Богом Смерти, порождающим войну и кличущим смерть.

Мир всегда отворачивался от меньшинства, от еретиков, от тех, кто выделялся.

— Крена, — сказал Райден.

— Да знаю я... Но лучше пусть смотрят на нас, как теперь, чем жалеют. К такому мы, по крайней мере, привыкли.

— ...

— Если кто-то решится бросить нам вызов, дело за малым – дать достойный отпор. Но жалость – совсем другое дело. Можешь сколько угодно говорить, что не проиграешь, но все будут относиться к тебе так, будто ты уже проиграл... И меня это бесит.

Завтрак в армии длился недолго, поэтому постепенно люди отворачивались. И всё же холодная атмосфера никуда не исчезала, и Фредерика то и дело беспокойно оглядывалась.

Райден усмехнулся.

— ...Всё, чего они пока что добились – купили нам ещё два месяца, верно? И я сомневаюсь, что им хватит этого времени, чтобы придумать что-нибудь стоящее.

— Если они вообще что-нибудь придумают. Видимо, они готовятся начать операцию на две недели раньше... Хотя я, честно говоря, сомневаюсь, что из этого выйдет хоть какой-нибудь толк.

— Союз поблажек не делает, вот уж где правда. Хотя мне трудно их за это винить. Легион

превосходит их почти по всем параметрам: мощь, численность, осведомлённость и так далее. Они ни в чём не сомневаются и не блефуют.

У Легиона не было ни боевого духа, чтобы его ослабить, ни амбиций, которыми можно было бы воспользоваться. Они почти не ценили собственные жизни. У них просто не было таких слабостей, чтобы уступить людям. Любой хитроумный план, чтобы победить Легион, был скорее игрой в рулетку. Изобретать что-то в войне с Легионом было бессмысленно. Эти автономные дроны обладали стратегическим превосходством и просто разрушили бы любой план врага посредством вычислительных мощностей.

Был лишь один способ сражаться с ними – дать им бой лицом к лицу, пойти в лобовую атаку.

— Итак, у них явно не хватит ракет, артиллерии не хватит дальности, военно-воздушные силы даже не учитываем... Остаётся только...

— Наземная атака. Только вот не знаю, попробуют ли они зайти с тыла или ударят напролом.

Как только фраза была закончена, у входа в столовую возник силуэт, одетый в форму цвета стальной синевы.

— ВНИМАНИЕ! — раздался глубокий и громкий голос.

Армейская муштровка накрепко вбила этот голос в голову каждому солдату, поэтому все присутствующие тут же встали по стойке смирно. Лишь юные талисманы, съёжившись от страха перед этим громоподобным рёвом, слегка запоздали, вставая с мест. И даже «восемьдесят шесть», у которых с дисциплиной было неважно, моментально поднялись со своих мест.

Офицер с меткой полковника своими зелёными волчьими глазами наблюдал воочию идеальную организацию армии Союза. Потом он чуть заметно кивнул.

— Детали операции были обговорены. Все офицеры, исполняющие обязанности командиров и старше, обязаны явиться в зал для брифингов ровно в 9:00.

По времени Союза сейчас было ещё 7:30. В одиночестве направляясь в свою комнату, Шин вновь погрузился в свои мысли. Сказанные Сео слова никак не выходили у него из головы.

«Интересно, как они там, жива ли майор?»

На самом деле тут не было ничего «интересного». Он один знал правду. Не было нужды с кем-

нибудь этим делиться, поэтому он решил не говорить им, что...

«...Республика уже пала».

Он узнал об этом, когда помогал Союзу следить за передвижениями Легиона по их территории. Он услышал, как воцарившийся в Республике хаос смывался механическими голосами, что доносились из-за пределов Союза. Как он слышал, Союз, вскоре после начала массированного наступления, зарегистрировал странную сейсмическую активность. Вероятно, она была вызвана падением стены Гран-Мюр.

Конечно, он подозревал, что силы наступления Легиона будут работать в тандеме с Морфо, но они начали обстрел позже именно потому, что в это время, судя по всему, захватывали Республику.

Прошла уже неделя с начала массированного наступления и падения Гран-Мюра. Страна, вынудившая «восемьдесят шесть» выйти на поле боя, чтобы самим потом закрыться в скорлупу пустых мечтаний и забыть о том, как обороняться, в итоге не сумела продержаться и нескольких дней. Страна, которую он даже не мог считать родиной. Воспоминания, оставшиеся у него об этой стране, были лишь расплывчатыми образами из детства. Даже если Республика пала, у Шина не было к ней никакой эмоциональной привязанности.

Однако...

«Вас могут успеть спасти ещё до того, как Республика падёт».

«Так что... майор, вы должны дожить до этого момента».

Но они не успели. Глядя на валяющиеся в коридоре осколки стекла, Шин вздохнул.

«Майор. Вы ведь... не забудете нас?»

«Если мы умрём. Пусть даже на какое-то мгновение, но вы вспомните о нас?..»

Мысли Шина привели его к одному воспоминанию. Он не мог не думать о том, что всегда оказывался брошен. Так было потому, что товарищи гибли на полях сражений восемьдесят шестого сектора. Все, с кем ему довелось общаться. Рано или поздно, он и остальные будут разлучены смертью.

Бог Смерти, похоронивший их имена и воспоминания в алюминиевых надгробиях. Он никогда не задумывался о том, какой горькой может быть его жизнь. Но...

«Не оставляйте меня...»

Она произнесла это... Но почему?

Почему даже она в конце концов его оставила?

— ...Хм?

Заметив подсунутый под дверь в его комнату конверт, Шин остановился. Он вдруг поморщился. «Только не снова...» Он вздохнул, вспомнив о письмах, которые присылали граждане с «благими намерениями». Под этим предлогом «бедным восемьдесят шесть» отправляли предметы роскоши. Когда он уже готов был порвать письмо и выкинуть, он кое-что заметил.

«Конверт всё ещё не распечатан».

Военные Союза перед тем, как отправить письма солдатам, всегда вскрывали их и проверяли в целях безопасности. Но конверт перед ним так и не был вскрыт. Все эти письма и посылки сначала отправляются в военный штаб в столице, и, учитывая положение на западном фронте, там не могли такого допустить.

Проверив конверт снова, Шин заметил, что на нём не было ни имени, ни адреса получателя, ни почтового штампа. Он пришёл не по почте.

— ...

Прищурившись, Шин перевернул конверт и, вопреки его ожиданиям, всё же нашёл имя отправителя. Оно было написано тонким карандашом детским почерком, который тяжело было разобрать...

Нина Ланц.

«Ланц».

Нахмурившись, Шин достал из кармана универсальный ножик и вскрыл конверт. Там оказался один-единственный очень тонкий – почти прозрачный – лист бумаги, казалось, как раз тот самый дешёвый, какой только и можно было ждать от ребёнка. В конверте, похоже, ничего больше не было. Развернув сложенный лист одной рукой, он увидел всего две строчки.

Почему ты убил моего брата?

Верни его.

А потом.

Шин почувствовал, как у него на лице заиграла чуть заметная холодная улыбка.

Он не знал, кто именно доставил это письмо... Нет, раз этот кто-то знал и Юджина, и Шина, а ещё знал о том, что случилось с Юджином, выбор был не так уж и велик. Судя по всему, у него было чересчур много свободного времени. Пусть он не видел этого человека с самого начала массированного наступления, судя по доставленному письму, он должен был выжить. Его сверстники в армии западного фронта, учившиеся в специальной офицерской академии, действительно могли доставить нераспечатанное письмо Шину в обход почтовой службы.

У него и правда было очень много свободного времени.

Или, быть может, поэтому-то оно у него и появилось. Он воспользовался убеждением маленькой девочки, требующей правосудия, сделав из неё щит, и из-под этого щита он решился атаковать и назвать его убийцей.

— ...Вот так, значит.

«Почему?»

«Почему ты убил моего брата?»

«Почему ты его бросил?»

«Почему ты его не спас?»

Каждый снова и снова задавал ему этот вопрос с того самого дня, как он ступил на поле боя восьмьдесят шестого сектора. И по сей день ему задают этот вопрос. Раз за разом они продолжали спрашивать его об этом.

«Ты ведь можешь слышать голоса Легиона. Ты так силён. В этих обстоятельствах ты всегда выживаешь. Так почему же? Он умер, но почему тогда ты – нет?.. Почему ты единственный, кто остаётся в живых?..»

Он слышал это слишком много раз. Он устал от этих обвинений. Его от них тошнило. Эти обвинения, в конечном итоге, абсолютно неуместны. Единственный, кто в конце концов несёт ответственность за твою жизнь – это ты сам. Конечно, Шину не хватало хладнокровия

утверждать, что только слабые повинны в собственной смерти. Но то, что люди перекладывают на него ответственность за то, что он не спас тех, кто не мог сам за себя постоять, казалось чересчур абсурдным.

Только в этот раз всё было чуть иначе.

«Я ждала его».

Этот голос, осуждающий его, принадлежал той самой девочке, с которой он встречался лишь раз. Её голос почему-то был похож на голос Юджина.

«Я ждала его возвращения».

«И ты знал, что я его ждала».

«Так почему же?»

«Почему не такой человек, как ты, у которого нет никого, кто бы ждал его...»

«Почему такой человек, как ты, которому просто некуда вернуться...»

«...Не умер вместо него?»

— ...Хороший вопрос.

Никто не услышал его бормотание в пустом коридоре. В ответ на звучащие у него в голове мысли, дешёвая бумага смялась в его руках.

Райден поднялся по лестнице и остановился, заметив Шина, стоявшего неподвижно возле своей комнаты.

— Ха, так ты к себе вернуться решил? Шин?.. Что-то случилось?

Когда кроваво-красные глаза повернулись и посмотрели на него, по телу Райдена пробежала дрожь. Этот взгляд был точь-в-точь таким же, как и в ту ночь, когда четверо их друзей были убиты дальнобойной артиллерией. В ту ночь он осознал, что столкновение с призраком его

брата неизбежно. Именно тогда во взгляде Шина появилась эта опасная острота.

— ...Нет, ничего.

В его голосе тоже звенело что-то зловещее, но Шин, скорее всего, этого даже не замечал.

— В общем, планы изменились. Время сбора осталось тем же, девять утра, но изменилось место: кабинет командира дивизии. И зовут только капитана отряда Нордлихта и командира 1028-ой экспериментальной эскадры... А значит, только тебя и подполковника, — сказал Райден, пытаясь подавить страх.

Красные глаза Шина сузились из-за тревожных предчувствий.

Как только выяснилось, что на брифинг вызвали только командира эскадры и капитана наёмников, от новых приказов уже нельзя было ждать ничего хорошего. Но то, что они в итоге услышали, заставило рубиновые губы Греты дрожать от ярости.

— Главная задача операции: проникнуть на старый железнодорожный вокзал, расположенный в ста двадцати километрах к северо-западу от 177-ой бронетанковой дивизии, и уничтожить размещившийся там Морфо.

Масштаб военной карты, отображающейся на голографическом экране, был таким же, каким пользовались отряды: намного больше сорокакилометровой карты в распоряжении дивизии. На неё были нанесены весь западный фронт и оборонительные линии Объединённого королевства Роа Грации и альянса Вальде. Эта карта явно не предназначалась простым эскадрильям, пусть 1028-я могла похвастаться самым высоким отношением потерь; и уж точно она была намного лучше, чем то, что показывали недавно, при массированном наступлении.

— Второстепенная задача операции: восстановление старой пограничной западной зоны, называемой также «Дорожным туннелем».

Названная зона подсвечивалась на карте. Она отображалась в виде ленты, пролегающей по старой западной государственной границе, расположенной в нескольких десятках километров от западного фронта. Как и следовало из названия, «Дорожный туннель» был особой дорогой, соединяющей три страны, а также зоной соединения старых высокоскоростных железнодорожных путей. Эта стратегия, по задумке командования, гарантировала, что Легион не сможет больше развернуть дальнобойную артиллерию, которой необходимы были эти железные дороги. Этой мерой можно было почти навсегда запечатать смертоносное оружие.

Конечно, оставалась вероятность, что Легион сумеет проложить рельсы где-то ещё; и всё же, что бы они не сооружали, железнодорожные пути или шоссе, им нужна будет подходящая

местность. Если же стройку начинать в неподходящих условиях, это значительно повысит нагрузку на инженерию Легиона.

— В этой операции будут принимать участие все силы западного фронта, включая также все его резервы, силы южного фронта Объединённого королевства, а также их королевская гвардия, силы обороны северного округа альянса, а также их отряд центрального реагирования... У этих стран их вторые столицы находятся в зоне обстрела Морфо, и они, по-видимому, не намерены скрываться за своими щитами.

Объединённое королевство и Союз были разделены естественной преградой. Горный хребет Драконьего Трупа, пролегающий на стороне Объединённого королевства, а также Альянс, основавший свои малые государства на крутом склоне священной горы Вирмнест.

Обе страны использовали естественные щиты, дабы противостоять Легиону и размещать свои оборонительные линии. Только вот против бомбардировки дальнобойной артиллерией, способной без труда нанести удар, всё это совершенно бесполезно.

— План операции прост. Объединённые армии трёх стран будут продвигаться на территорию Легиона, чтобы убедить их в том, что это основные силы, отправленные на уничтожение Морфо. Они привлекут внимание каждого сектора и задержат противников. Используя же этот отвлекающий манёвр, мы высадим в тылу Легиона небольшой ударный отряд, который и должен будет уничтожить Морфо.

План не был «прост». Он безрассуден. Способность Шина отслеживать Легион давала чёткое представление о его колоссальной численности. На западном фронте насчитывалось несколько сотен тысяч человек, что равнялось пяти корпусам. У Легиона же не было небоевых отрядов за исключением снабжения и коммуникации, а значит, почти вся численность Легиона – это их чистая военная мощь.

Если страны столкнутся с ними вот так, в условиях такого численного превосходства, это очень дорого им обойдётся. Вероятно, никто в ударном отряде не выживет. Генерал-майор всё понимал, но спокойно продолжал объяснять детали операции. Его единственный чёрный глаз встречал фиолетовые, смотревшие на него сверху вниз.

— Затем, когда Морфо будет уничтожен, ударный отряд должен будет держать оборону вокзала до прибытия основных сил. Далее они сразу же вместе вернутся на базу. С ударным отрядом мы уже определились...

Оторвав свой единственный глаз от Греты, он посмотрел на Шина, стоявшего позади неё.

— ...Отряд из пятнадцати членов отряда Нордлихт под командованием старшего лейтенанта Шина Ноузена.

Выражение лица Шина ни на йоту не изменилось. Генерал-майор всматривался в красные глаза, которые отказывались встретиться с его глазом.

— Вы будете тем остриём копья, которое должно прорваться сквозь оборону Легиона. Можно сказать без преувеличения, что это величайшая совместная операция в истории человечества. Помни об этом и выложись на полную ради выполнения миссии.

Если вспомнить, зачем была создана ударная группа, эта аллегория, созвучная с названием его прошлой эскадры, походила на глупую шутку. Или, быть может, это было намеренно... Тогда это весьма жестокая ирония.

— Разрешите вопрос, генерал-майор? — спросила Грета скрежещущим голосом, едва сдерживая гнев.

— Да, подполковник Вензель?

— Почему?.. Почему был выбран мой отряд Нордлихт?

Генерал-майор усмехнулся, как бы давая понять, что вопрос глупый.

— Критерии отбора для ударной группы были предельно строгими. Ванарганды слишком медлительны. На самолёте их тоже не доставить из-за их веса. Бронированной пехоте для этой задачи не хватает огневой мощи. Тяжёлую артиллерию в таких условиях использовать тоже весьма непросто. Мы нуждались в чем-то подвижном, с достаточной огневой мощностью и лёгком, чтобы можно было доставить авиацией. Кроме того им нужен опыт сражения в условиях отсутствия связи со штабом и численного преимущества противника. Думаю, не стоит вам напоминать, что отряд должен быть способен отследить местоположение Морфо. И единственные, кто подходит по перечисленным параметрам, подполковник – это ваши Регинлейвы и старший лейтенант Ноузен.

Грета прикусила красную нижнюю губу.

— У вас совести нет?!.. Вы же посылаете «восемьдесят шесть»... Вы посылаете этих детей на верную смерть только потому, что ни у кого из них нет семьи?! Оттого, что некому жаловаться, если они не вернутся?! Словно это не нужные вам пешки?!

— Следите за вашим тоном, подполковник.

— И не подумаю. Этот отряд – не просто смертники! Вы ведь хотите сделать старшего лейтенанта приманкой для Морфо и других сил Легиона, чтобы продвинуть основные силы глубже и увеличить шансы сбить его ракетами. В крайнем случае они истощат его воздушную оборону. В этом заключается ваш план, верно?!

Да, у ракет большое круговое отклонение, но чем ближе цель, тем точнее будут залпы. Если вторгнуться на территорию Легиона, произвести массированный обстрел с той же плотностью, что и в прошлый раз, то шансы на успех будут высоки.

— Мы действительно готовим массированный обстрел, но только как запасной вариант на случай, если что-то пойдёт не так. Мы же не приказываем им уйти и не вернуться. Мы не Республика.

— Но вы делаете то же самое! Скажите, какова вообще вероятность безопасного возвращения отряда Нордлихт с этой операции?!..

Когда нужно лететь на малых высотах, чтобы обойти радары и зенитный огонь, самым надёжным средством становится транспортный вертолёт. Пусть Регинлейв и является относительно лёгким, тот всё равно весит больше десяти тонн. Максимум для вертолёта – одна такая машина. И чтобы отправить пятнадцать машин, пришлось бы создать вертолётную формацию, а рёв винтов своими высокоэффективными оптическими и звуковыми датчиками наверняка подхватят Муравьи.

И, разумеется, как и авиация в целом, транспортные вертолёты не могли похвастаться толстой бронёй. Большая часть будет сбита на подлёте. Если в отряде изначально должно быть пятнадцать членов, то когда их станет ещё меньше, результат этого противостояния Морфо будет очевиден.

Эта операция – а точнее, самоубийственная миссия, – была основана на этом сценарии.

Генерал-майор раздражённо вздохнул.

— Дальнейшие протесты будут рассматриваться как нарушение субординации, если у вас нет встречных предложений.

Грета тут же умолкла, а генерал-майор в ответ пожал плечами.

— Кому-то придётся это сделать. А значит...

Генерал-майор снова посмотрел на Шина. Его кроваво-красные глаза всё ещё были прищурены, в них не было ни намёка на колебания. Даже когда его жизнь и жизни его друзей уже лежали на плахе.

Он вообще... Восемьдесят шесть вообще понимают, какое это безумие?

— У вас уже имеется опыт проникновения на территорию Легиона. Вы сделали это однажды, наверняка сумеете снова. Тем более, «восемьдесят шесть» так помешаны на сражениях, не правда ли?

Можно ли описать эмоции, читавшиеся в единственном глазу генерал-майора в этот момент? Одновременно громадные жалость и страх. Как у человека, которого вдруг укусил за руку подобранный с улицы щенок. Будто чувство вины, которое испытывал бы кто-то, бросивший собственного ребёнка волкам, чтобы спастись самому.

Такие жалость и страх к одному и тому же были всё равно что непонимание. Страх или отвращение – то и другое было вызвано нежеланием признать в других равных себе. Никто и не пытался понять их. Когда люди перед тобой поступают совсем не так, как ты того ожидал, в каком-то смысле ты испытываешь гнев; при этом чувство вины притупляется. Сказать «иноземец», «они другие» – как это банально.

В конце концов, они и правда отличались от остальных. Они не были похожи на нас.

— Союз спас вас на поле боя. Мы дали вам жилье и дом, куда вы могли бы вернуться. Если, несмотря ни на что, вы всё-таки решили вернуться на это самое поле битвы, наверняка вы к этому готовы. Битва – долг воина. Долг солдата. Смерть в сражении – тоже часть этого долга.

Шин вышел из кабинета вместе с Гретой, гневно захлопнувшей за собой дверь. Тут же открылась дверь в соседний кабинет, и внутрь вошёл начальник штаба западного фронта. Даже в жёстких условиях на фронте его костюм был всегда аккуратен, без единой складки, и источал запах одеколона. Он вошёл в сопровождении одного способного помощника, который кратко проинформировал его о серьёзности ситуации, но начальник штаба решил никак на это не реагировать. Нормально выспаться в условиях постоянного потока важной информации было, тем не менее, нелегко.

— Простите меня, генерал-майор. Мне пришлось возложить на ваши плечи такую отвратительную задачу.

— Ничего, я в полном порядке. Как-никак, это одна из обязанностей командира дивизии.

Командир обязан отдавать приказы своим подчинённым: чьим-то отцам, братьям и сёстрам или детям... Касалось это и молодых парней и девушек, у которых ещё было будущее. Таков был долг командира – приказать им умереть. Точнее, сразиться с врагом ценой собственной жизни. Только вот нечасто он отдавал такие приказы. Генерал-майор вздохнул, пытаясь выбросить эти мысли из головы.

— ...Думаете, они вернутся?

Хоть кто-нибудь из них вернётся?

Человек с чёрными волосами и чёрными глазами был чистокровным Ониксом. Он был одним из

его младших товарищей в военном колледже и ровесником Греты. Возраст был один, но один из них стал начальником целого штаба на целом фронте, а другая стала командиром экспериментального подразделения и полевым офицером. Так случилось потому, что он был потомком могущественной семьи аристократов, тесно связанной с политикой бывшей Империи, а она – дочерью какого-то торговца, пусть и крупного бизнесмена.

Не только их происхождение разнилось, но и их принципы, и на этой почве рождались разногласия. Один был хладнокровным, расчётливым, по характеру командир, который не боялся считать своих подчинённых пешками, которыми всегда можно было пожертвовать для достижения поставленных задач. Грета была другой. Эта черта встречалась у старой аристократии, привыкшей видеть в простолюдинах не людей, а собственность.

— Исходя из полученных генеральным штабом данных, шансы отряда Нордлихт на благополучное возвращение стремятся к нулю. Конечно, это ещё не ноль, но... говорить так было бы софистикой.

Говоря языком математики, одной только единицы, возникшей после длинной цепочки из нулей после десятичной точки, уже было бы достаточно, чтобы число не равнялось нулю. Однако, имея такую вероятность, излишне было бы дискутировать по поводу их шансов на выживание. Начальник штаба, чётко это понимая, едва заметно улыбнулся.

— От такого приказа большинство солдат пришло бы в ярость. Но, судя по всему, берсерки Республики готовы принять его без возражений. Думается мне, они с улыбками на лицах сказали бы, что эта миссия достойна «восемьдесят шесть».

Многие видели, как именно сражались «восемьдесят шесть» с Легионом во время недавнего массированного наступления, породив множество беспочвенных слухов среди солдат западного фронта. Бесстрашные воины, которые сталкиваются лицом к лицу с армией, достойной имени Легион. Они сражались с животной кровожадностью, не придавая собственным жизням никакого значения, пусть им и нечего было защищать. Это казалось настоящим безумием тем, кто ради своих семей боролся со страхом смерти.

— Тем, кто сражается с чудовищами, приходится думать, как бы им самим не сделаться чудовищами, верно?..* Да. Те, кто противостоят монстрам, уже и сами превратились в монстров. Особенно это относится к проклятому дитя, родившемуся от смешения крови двух величайших монстров, которых знала Имперская армия – «Алой ведьмы» Майки и «Эбонитового генерала» Ноузена. Думаю, натравить его на механических демонов – это неплохое решение.

[П/Р: Знаменитая цитата немецкого философа Фридриха Ницше.]

Захлопнув тяжеленую дубовую дверь, Грета вздохнула.

— ...Старший лейтенант, вы же расстроены, правда? Вот какой пункт назначения вам приготовили.

Так нужно. Всё потому, что у вас нет семей. Оттого что вы – иноземцы. Пункт их назначения – вот это место, потребовавшее найти оправдания и отправить детей на верную смерть.

— ...В сложившихся обстоятельствах, думаю, это верное решение. Если не выложиться на полную в соображениях уничтожения Морфо, Союз не сможет больше держать линию фронта. Да и...

Безучастно глядя на дверь кабинета, Шин лишь пожал плечами.

— ...То, что они не бегут, поджав хвосты, даже когда их фронт уже на расстоянии удара врага, меня вполне устраивает. Мне не на что жаловаться.

— Верно... Республика даже в таком случае и пальцем не пошевелила...

Сухой смешок вырвался из уст Греты. Республика действительно вела себя как безумная: солдаты, поклявшиеся защищать свой народ, отказывались встретиться с врагом лицом к лицу. И даже вырвавшись из этого безумного мира, они всё равно были скованы по рукам и ногам бесчеловечными ценностями.

Грета отвернулась, с её лица исчез любой намёк на улыбку.

— Им нужна мобильность Регинлейва, а также ваши возможности. Но кто бы что не говорил, вам не обязательно туда отправляться.

Единственное, что, как правило, требовалось в армии – выполнение поставленной задачи. Каким образом она будет выполнена, зависело уже от человека, которому поручена миссия. Вынуждать солдат выполнять только то, что им приказано, на таком изменчивом поле боя, где ситуация может кардинально измениться в считанные минуты, было бы контрпродуктивно.

— Я назначу Варгов в этот ударный отряд... Вы же можете остаться.

Грета, глядя в другую сторону, не заметила, как Шин сжал свои кулаки.

— Когда миссия будет завершена, просто покиньте армию. Вы достаточно сражались за свою родину и теперь можете...

— И что же?..

Грета не ожидала, что её перебьют в такой момент, и, когда она повернулась и посмотрела на Шина, у неё перехватило дыхание.

— ...Вы предлагаете нам вот так вдруг перестать быть теми, кем мы являемся, лишь для того, чтобы удовлетворить ваши собственные чувства справедливости и жалости к нам?

У парня перед ней было то самое выражение лица, что она не видела вот уже шесть месяцев с тех самых пор, как он был принят Союзом. Даже во время недавнего наступления Легиона... Это было выражение обычного парня его возраста. Упрямые глаза ребёнка, у которого на глазах решили безжалостно раздавить единственную дорогую ему вещь.

— Мы благодарны вам за спасение, но у вас нет причин жалеть нас. Нет причин отговаривать нас от сражения... Ведь это...

«...Всё, что у нас есть!..»

Хоть он и проглотил эти слова... Нет, именно потому, что проглотил, его голос звучал так, словно он вложил в него всё своё сердце.

«Почему ты сражаешься?»

«Почему ты продолжаешь сражаться, если у тебя нет на это причин?»

Для «восемьдесят шесть» не было вопроса оскорбительнее, чем этот. Всё, что у них было – это гордость. У них отняли абсолютно всё, кроме гордости, чувство которой у них проявлялось в борьбе за свою жизнь.

Семьи, которые они могли бы защитить, давно погибли. У них не было места, что они могли бы по-настоящему назвать домом. История и традиции были уничтожены вместе с их родными, а культура, которую они должны были унаследовать, оказалась забыта ещё в раннем детстве, вместе с книжками с картинками, что им читали на ночь.

Так называемая родина лишила их всего и не ждала от них ничего, кроме жертвы. Ни у кого из них не было причин двигаться вперёд, но всё равно они цеплялись за свои жизни. Они построили себе жизнь на чувстве гордости. На поле боя, где царила одна лишь смерть, зажатые между механическими призраками с одной стороны и постоянными гонениями с другой, только своей гордостью – их причиной сражаться – они сумели удержать себя от падения в пропасть отчаяния.

И даже если кто-нибудь спросит их, почему они сражаются, никто из них не ответит на этот вопрос. Почему? У них просто не было ответа. У них ничего не было. Им не за что было бороться. Нечего защищать. Они продолжали сражаться, потому что отыскиали в этом гордость. И они не собирались отказываться от того, что давало им это чувство. Даже если в конце

концов они умрут.

— Если мы сбежим и оставим этот бой кому-то ещё, отсиживаясь в другом месте, дожидаясь своей смерти, между нами и Республикой не будет никакой разницы. Это всё равно, что прикинуться живым, когда ты уже мёртв. Мы никогда до такого не опустимся.

Шин прошипел эти слова совсем не в той спокойной манере, в какой всегда держался, и стало ясно, как сильно ему не нравилось такое отношение. Грета ещё сильнее впилась в свои губы. Она поняла, что именно упустила из виду. Пытаясь лишить их единственного, что они по-прежнему чувствовали, она разрушила всё доверие, которое было у них к ней и к Союзу.

Они – «восемьдесят шесть». Дети, брошенные на поле боя, жили в тени войны. Они сражались в мире, наполненном болью и отчаянием, без шанса вернуться домой. Они гордились тем, что они просто оружие.

Союз сказал им, что они больше не обязаны сражаться и могут оставить позади поле боя, жить мирной жизнью. Только вот эти слова Союза могли растоптать личности новоприбывших граждан.

Шин отвёл свои кроваво-красные глаза. И больше не стал пересекаться с ней взглядом.

— Если отдавать приказы из тыла, задержка может оказаться фатальной... Я непосредственно возглавляю ударный отряд.

†

Как только до всех донесли информацию о предстоящей операции, гнетущая и мрачная тишина повисла в комнате. Задачи были совершенным безрассудством, а путь к их выполнению был вымощен жизнями множества солдат каждого корпуса. Однако, если они не сумеют уничтожить тактическое оружие с огневой дальностью четырёхста километров, три страны, включая сам Союз... Нет, возможно, даже всё человечество будет уничтожено.

Все силы западного фронта будут продвигаться вглубь территории Легиона на сто километров. В авангарде же будут стоять «восемьдесят шесть». Карта предстоящей операции проецировалась на голографический экран в зале для совещаний каждого отряда.

Инструктаж для 1028-го экспериментального отряда – отряда Нордлихт – был таким же напряжённым. Они были той самой ударной группой, от которой требовалось проникнуть вглубь вражеской территории. Вероятность их благополучного возвращения была самой низкой среди всех сил западного фронта.

Закончив разъяснения, Грета вместе с остальными сотрудниками покинула зал совещаний. Следом за ними вышли команды техобслуживания и исследовательского бюро, бурно обсуждавшие предстоящую операцию. Оставшиеся в зале Варги застыли с каменными лицами.

Бэрнольт, старший унтер-офицер в этой эскадре, повернулся и посмотрел в сторону пяти «восемьдесят шесть», также оставшихся в этом зале.

— Капитан.

Этот молодой унтер-офицер, всего лишь помощник Шина, сейчас смотрел на него не как на старшего по званию, а скорее как обеспокоенный взрослый на безрассудного ребёнка.

— Конечно, мы ценим то, что вы нас не бросаете, но... Мы точно не станем держать на вас зла, если вы вдруг откажетесь от своего решения. Знайте, вы всегда можете отдать нам приказ идти без вас.

— ...

Бэрнольт не получил ответа и покинул зал совещаний, ничего больше не сказав. Тяжело и протяжно вздохнув, Райден откинулся в своём сиденье и уставился в потолок.

— ...Мне что-то кажется, что даже им не стоит так говорить, когда у нас тут такая, мать её, операция.

— В общем, пока вся армия будет задействована, чтобы отвлечь Легион, мы должны будем каким-то образом добраться до цели в ста километрах отсюда и уничтожить Морфо.

— И вообще, только от того, как сумеют перегруппироваться основные силы, зависит наше возвращение, верно? Никто же не может сказать наверняка, справятся они или нет.

— Это если мы выживем. Мы ведь окажемся в самом сердце вражеской территории безо всякого прикрытия. Будто в Республику вернулись.

Но даже когда они обменялись недовольными взглядами, на их лицах блуждали слабые улыбки. Как будто этот взгляд на ситуацию был мудрым и дальновидным, философским, раскрывавшим для них всю суть происходящего.

И правда была в том, что выбора у них не оставалось. Их основная цель таилась в глубине вражеской территории. Просто не существовало других возможных путей исполнить задуманное. Если они не уничтожат врага, это будет равносильно смерти. Чтобы это сделать, Союзу придётся пойти на всё, даже если большинству солдат в этом случае грозит смерть.

Это всё было очень похоже на поле боя восемьдесят шестого сектора. Ни одно из сражений не давалось легко, ни одна победа не была абсолютной. Единственная разница была в том, что сейчас они сражались потому, что решили сражаться. Они могли пойти по этому пути по собственной воле. Они, «восемьдесят шесть», понимали, что свобода никогда не даётся легко, поэтому добровольно они от этого не откажутся никогда.

Но Шин, зная это, всё равно сообщил им:

— Подполковник сказала, что мы можем отказаться от этой операции, если захотим.

— Издеваешься что ли? Если свалим, будем похожи на белых свиней, — выплюнул Сео, улыбнувшись. — Чёрт тебя дери, ты и сам сцепился с подполковником, правда же? Мы чувствуем то же, что и ты.

За весь инструктаж Грета ни разу не встретила взглядом с Шином. Они решили, что между Шином и Гретой, и раньше настроенной против жертвования детьми, что-то произошло.

— Но знаешь, они отправили нас на такую опасную миссию только потому, что мы – «восемьдесят шесть». От этого... становится одиноко.

Союз был неплохой страной во всех смыслах. Как бы там ни было, это место было сто крат приятнее, чем Республика. Но оттого, что их считали пешками, расходным материалом, которых нужно использовать в первую же очередь, они начинали чувствовать себя изгоями.

«За что ты сражаешься? Что ты защищаешь?»

Этот вопрос задавали потому, что людям нужна была причина сражаться. А «восемьдесят шесть», выходявшие на поле боя без этой причины, в глазах Союза были ненормальными.

У них не было дома, куда они могли бы вернуться, не было семьи, которую нужно было защищать. И если в «пункте своего назначения» они не могли быть собой, то поле боя было всем, что у них оставалось. Если никто не хочет видеть их здесь, то, конечно же, никто не будет держать их тут из жалости, как питомцев.

«Монстры».

Быть может, это правда. Они будут жить на поле боя, сражаясь, пока удача улыбается им. А потом они умрут, там же. Это явно не та жизнь, о которой люди обычно мечтали. Но пусть так...

Кулаки Шина сжались.

«Гордость – это всё, что у нас есть».

†

— ...Именно поэтому отряд Нордлихт и пятеро «восемьдесят шесть» были выбраны в качестве ударной группы для уничтожения Морфо.

Столица Союза, Санкт-Йеддер, была построена на возвышенности, а солнце в середине лета садилось поздно. Отблески заката окрашивали кабинет президента в алые тона. Взгляд Эрнеста был прикован к стене, на которой висел голографический экран, проецирующий изображение главнокомандующего армией западного фронта, вернувшего президенту суровый взгляд.

— Этот приказ законно обоснован и был передан мне как главнокомандующему армией западного фронта. Ваше превосходительство, быть может, они ваши приёмные дети, но раз они поступили на службу в армию, мы не можем относиться к ним по-особенному. Боюсь, даже вы не в силах отменить это решение.

— Я это понимаю. Я был готов к этому с тех самых пор, как они решили вернуться, поэтому дал им своё согласие ... В конце концов, посылать на верную смерть солдат своей страны, но охранять от этой участи своих детей, для меня недопустимо.

Возможно, из-за ничего не выражающего тона Эрнеста командир – он же генерал-лейтенант – почувствовал угрызения совести. Он сухо кашлянул, прежде чем продолжать.

— Мне кажется, для поднятия морального духа не найти истории лучше этой. Спасённые нами от несчастья дети, вынужденные бежать из своей страны, решили рискнуть своей жизнью, чтобы принять участие в операции, от которой зависит судьба Союза. Они добровольно возглавили атаку в отряде, где риски выше всего... Такую душещипательную сказку граждане однозначно оценят. Если правильно её подать, ещё больше солдат может поступить на службу, а ваш рейтинг вырастет.

— Отставить этот политический бред, генерал-лейтенант. Вам это не идёт.

Эрнест усмехнулся, глядя на прямоугольное грубое лицо генерал-лейтенанта, будто бы олицетворение бывалого воина. Потом тем же голосом, что и раньше, он спросил:

— Генерал-лейтенант, это, случаем, не продолжение дезинфекции, которую вы пытались провести год назад?

На мгновение между ними воцарилось тяжёлое молчание.

— Когда мы взяли их под свою опеку, вы с другими офицерами разделяли общее мнение – дети,

бежавшие с территорий Легиона, вызывают большие подозрения. Вы не могли поверить, что они и правда прошли по их территории. Вы думали, они были инфицированы чем-то, и нам лучше избавиться от них во имя жителей Союза.

Пятеро юных солдат были спасены от «охоты за головами». Ни дивизия, которая спасла их, ни командир корпуса, ни тот, кто принял над ними командование, не могли их не жалеть. Пилотирование доставленного вместе с ними «беспилотника», казалось, было самоубийством. Они всё время сторонились незнакомцев. Бесчисленные шрамы на их телах. Прибавить их показания, и складывалась чёткая картина гонений, устроенных их родиной.

Но достаточно проницательный человек мог бы отыскать повод, чтобы всё это опровергнуть. Нельзя было сказать наверняка, что они не шпионы Республики с секретным заданием. Даже то, что Легиону программой было запрещено использовать биологическое оружие, а дети легко прошли все установленные регламентом проверки и положенный срок изоляции, не доказывало, что они не были инфицированы или не были сами биологическим оружием.

Не было твёрдых доказательств, что они чисты.

Будь они гражданами Союза, армия пошла бы на этот риск; но они были иностранцами. Союз не обязан был их защищать. Некоторые офицеры, к тому же, требовали избавиться от них, если будет такая необходимость. Только Эрнест стоял на том, что Союз, объявивший справедливость государственной политикой, никогда так не поступит.

— Я не стану порицать эти просьбы, говорить, что это слишком бессердечно и жестоко. Дискриминация порождается как благими намерениями, так и подлостью. Люди хотят спасти то, что им дорого, и могут от чего-то избавиться, сами того не заметив. Я не буду этого отрицать.

Как бы ни был ошибочен поступок, пробуждающий человеческую жестокость, желание защитить то, что тебе дорого – достойный порыв человеческого духа.

— Только вот те, кто без тени сомнения нарекают себя людьми, но для достижения своих целей всегда полагаются на насилие вместо слов, во всех смыслах заблуждаются. Вы же не для вида со мной соглашаетесь и не станете пользоваться этим кризисом, чтобы втайне усомниться в моих решениях?..

— ...Конечно же нет.

Почему возникла эта заминка перед ответом?

— Подумайте же теперь вот о чём. Это определённо не просто дети, достойные сострадания, а обезумевшие от войны берсерки. Вы правда думаете, что эти монстры найдут себе место в Союзе? Действительно ли мы должны этого добиваться?

Несмотря на пропитанные горечью наставления, Эрнест слегка улыбнулся.

— Я вас понял, генерал-лейтенант.

Как ни крути, генерал-лейтенант не был безумцем, бездумно убивающим детей. Эрнест, зная это, отвечал без колебаний.

— Таков мой идеал, а также идеал той страны, которой я управляю. В конце концов, я...

Вот уже десять лет граждане Союза избирали именно его.

— ...Представляю мнение граждан Союза.

Гордый, благородный и справедливый.

У генерал-лейтенанта вдруг перехватило дыхание. Воочию он увидел, как образ зловещего огнедышащего дракона сменился образом президента, выражающего идеалы из самых глубин своего сердца.

†

Вот уже второй раз им нужно было разбираться со всеми личными делами перед операцией, из которой мало шансов было вернуться; и, как и в тот раз, таких дел у них почти не было. Только у Шина имелся кое-какой багаж, который ему нужно было отослать обратно. Он как раз постучал в дверь, ведущую в её комнату.

— Фредерика.

— Открыто.

Отворив лёгкую дверь из фанеры, он вошёл в довольно тесную комнату. Внутри всё стояло ровной линией с одной стороны, как и в коридоре. Фредерика сидела на своей маленькой кровати, уткнувшись подбородком в голову своей плюшевой игрушки. Бросив на него короткий взгляд, она тут же недовольно отвернулась.

— Операция... — тихо пробормотала она.

Бровь Шина дёрнулась в ответ.

— Ты же согласился на неё, да? На эту безрассудную, самоубийственную операцию без шанса на возвращение.

— Я вроде бы снял парарейд... Ты подсмотрела?

Детали операций были военной тайной, поэтому им запрещалось приносить на инструктаж любые средства связи, включая рейд-устройства. К таким операциям это относилось особенно: если общественности что-нибудь станет известно, из этого выйдут только хаос и беспорядки. А если информация каким-то образом попадёт к Легиону, это будет катастрофа.

Но для Фредерики, способной заглядывать в прошлое и настоящее знакомых ей людей, увидеть проекцию карты на голографическом экране было раз плюнуть. Таким образом, она легко могла узнать всё об операции.

— Тогда мы сэкономили время на объяснения... Возвращайся в столицу как можно скорее. Когда операция начнётся, никто не вышлет за тобой транспорт для возвращения.

— ...Талисман находится в плену у солдат, которым принадлежит. Если б я и захотела, назад мне не вернуться.

Пусть на поле боя талисманы были только балластом, им всё равно не позволялось уезжать. Эти девочки становились заложницами, чтобы служить солдатам «дочерьми» или «младшими сестрёнками», пресекая попытки к дезертирству.

За каждым из них стояла своя история. Кто-то осиротел, а кого-то продали собственные родители как лишних ртов. Были даже незаконнорождённые дети аристократов, которым предпочли законных наследников.

Сейчас, когда над базой нависла угроза обстрела, всё больше солдат готово было дезертировать, поэтому талисманов никак не могли освободить от их обязанностей. Но даже если бы им разрешили, им некуда было возвращаться. Девочки выполняли эту роль до двенадцати лет, а потом поступали в учебные академии, чтобы стать военнослужащими. У них не было дома, кроме поля боя, и все они останутся там до конца своих дней.

Так же было с Фредерикой.

— Ты вернёшься. Сейчас не время выбирать методы.

— Может, я и смогу, если тот мелкий чиновничек воспользуется своей властью... Только почему ты говоришь мне куда-то вернуться? Не ты ли просил, чтобы люди не лезли в твою жизнь?

— А ещё я говорил, что не стоитшний раз лезть к людям с их смертями.

Его семью отправили на войну, и она так и не вернулась. Его товарищи взлетали на воздух на главном экране Джаггернаута. Они умоляли его избавить их от страданий. И те, кто покончили

с собой, потому что не в силах были больше слышать голоса мёртвых, эхом отдающиеся при синхронизации... Хорошо бы было не видеть этого, снова и снова.

Большинство задействованных в операции солдат, скорее всего, погибнет. И этот ад Фредерике, способной видеть настоящее знакомых ей людей, явно не стоило знать.

— Да, в другой ситуации тебе вряд ли дали бы добро, но вероятность успеха у будущей операции довольно мизерный. Нам повезёт, если нас просто оттеснят назад. В худшем же случае Легион проведет контратаку, и тогда линия фронта рухнет. И если это случится, база уже не будет в безопасности.

Пусть столица в этом случае тоже оказалась бы под угрозой, об этом Шин решил не говорить. Если развить эту мысль дальше, то бежать было просто некуда. Позволить ситуации зайти так далеко он не собирался.

— И я смогу узнать его голос... Ещё на прошлом поле боя он взорвал четверых наших друзей. Поэтому я узнаю его и без твоей помощи.

Кино и Чисэ, Тома и Крото. Четверо его товарищей, сражавшиеся вместе с ним в последнем театре боевых действий в восемьдесят шестом секторе, были обстреляны откуда-то из-за горизонта.

— Но посмотри на это иначе! Это я связана с Кирией нашим с ним прошлым! Почему только тебе достаётся билет в один конец?!

Фредерика вскочила, подбежала к нему и вцепилась в него своими ручками. Брошенная ею плюшевая игрушка упала с кровати. Шин купил её, потому что она сама попросила, но он никак не мог понять, что она в нём нашла. Это был довольно странный, жуткий, руками сшитый плюшевый мишка.

— Я поговорю с Гретой, чтобы ты просто остался. Армия Союза высоко ценит твою способность отслеживать передвижения Легиона. Ты же наконец выбрался из восемьдесят шестого сектора. С этого поля боя, где царит только смерть. Тебе нельзя вот так отдавать свою жизнь ради этой безрассудной операции!

— Ты видишь только своего рыцаря, но не весь Легион. Тебе никогда не прорваться через их территорию. Но даже если каким-то чудом ты там окажешься, ты всё равно умрёшь.

— ...Да почему же?.. Почему ты всё время отталкиваешь нас?!..

Её алые глаза, так похожие на его собственные, округлились от страха; и это не смерть Юджина вдруг заставила её осознать, как реальна смерть на поле боя. Да, Фредерика просила помочь ей изгнать призрака её рыцаря, когда они вернутся в строй, но она не просила никого

за это сражаться.

— Не ты ли хотела, чтобы мы уничтожили твоего рыцаря? Ты знаешь, что Союз даже ценою жизни всех солдат на поле битвы хочет покончить с Морфо, так почему ты пытаешься понизить шансы на успех?.. Мне кажется, ты всё-таки не хочешь, чтобы его уничтожил кто-то другой.

— ...

Сомнений не было, в глазах Фредерики плескался ужас. Шин, посмотрев на неё сверху вниз, вздохнул. Он был прав.

— ...Вот тебе ещё одна причина, чтобы уехать. Просто забудь об этом. Ты же не хочешь стать такими же, как мы?

— ДА КТО БЫ ГОВОРИЛ!

Фредерика вдруг толкнула Шина изо всех сил и начала кричать. Но, пусть он был ещё подросток, ему оставалось совсем немного до становления юношей. К тому же, он был закалён на полях сражений, поэтому Фредерике с её детским телосложением просто не хватило веса, чтобы сдвинуть его с места. Отшатнувшись на два-три шага из-за удара, она сумела удержать равновесие.

— Ты отправился на поле боя, чтобы покончить с призраком своего брата, – и сумел это сделать – почему ты не даешь мне так же поступить с моим рыцарем?! Почему вдруг мне это запрещено?!.. Ты уже должен был это понять... У этого жалкого призрака просто нет цели или места, куда он мог бы вернуться. Гордость – всё, что у него осталось, и всё, что им движет. Ты хочешь стать таким же, как он?!

Тоненький кончик пальца нацелился на северо-запад. Шин, способный слышать крики мёртвых, понял, что она показывала туда, где был её рыцарь; но одного его голоса не хватало, чтобы понять чувства, которые он испытывал.

— Я не твой рыцарь.

«Она похожа на меня в те времена».

«Не так ли?»

Он вспомнил разговор с Райденом. Подумав, он понял, что они с Фредерикой всё-таки разные. Он должен был забрать брата, пойти ради этого на любые жертвы. Он должен был всеми силами стараться искупить свою вину. От этой цели Шин не позволил бы себе отказаться.

— Можешь и дальше видеть во мне его ... Но не навязывай мне свои сожаления и жажду искупления. Это раздражает.

— ТЫ!.. УПРЯМЫЙ ДУРАК!

Фредерика окончательно вышла из себя и закричала. Её высокий детский голос эхом разнёсся по маленькой комнате.

— Я запрещаю тебе уходить! Слушайся меня, ты, невыносимый идиот!

Сжав свои кулаки, она топнула ногой в порыве детской истерики. Когда она снова взглянула на него, в её красных глазах появились слёзы.

— Наверняка тебе жалко, что ты не сказал этих слов своему брату, правда ведь?! Ты всё ещё жалеешь, что просто смотрел в спину идущему на фронт человеку, которому не суждено больше вернуться, верно?! Так почему же ты делаешь то же самое, что и твой брат?! Почему ты навязываешь мне горький опыт, через который он заставил тебя пройти?!

Эти крики шли из самых глубин её маленького тела, Фредерика стала задыхаться. С каждым вздохом всё новые потоки слёз текли по её щекам, будто вся ненависть, которую она всё время держала в себе, прорвала запруду и выплеснулась наружу.

— ...Фредерика.

— Не уходи, — раздался тихий, надломленный голос. — Я не хочу потерять ещё одного брата. Я не хочу, чтобы ты закончил так, как Кири.

— ...

— Я больше не хочу видеть, как брат по мановению моей руки отправляется на поле боя лишь затем, чтобы умереть. Я не хочу, чтобы кто-то умирал. Пожалуйста... Не уходи.

†

Наступила глубокая ночь, и на всех базах западного фронта уже дали отбой; но для полевых офицеров и командиров рабочий день был ещё далёк от завершения. В кабинете командира 177-ой бронетанковой дивизии стоял полумрак, но генерал-майор продолжал работать при свете голографического экрана, проецируемого прямо на его письменный стол. От тихого стука в дверь он поднял голову, но, увидев посетителя, тут же нахмурился.

— Я не собираюсь вас выслушивать, если вы пришли просить заново обдумать операцию.

— Я понимаю, поэтому пришла, чтобы просто высказаться.

Грета, выстукивая каблуками по полу, подошла к столу и кивнула. Приказы нельзя было игнорировать, каким бы ни было звание служащего, однако у офицеров была возможность предложить альтернативу. Конечно, старший по званию решал, принять её или отклонить.

Окутанная ночным мраком, Грета впилась своими фиолетовыми, почти светящимися глазами в генерал-майора... и улыбнулась.

— Ты разбросал отряд Нордлихт по взводам, чтобы не вышло этой ситуации, так ведь, Ричард?

Процессоры, может, и обладали потрясающими боевыми навыками, но их возможности явно были ограничены. Столько же славы они могли заслужить, сколько и позора. И это было понятно, им довелось сражаться лишь с немногими типами вражеских машин из существующих. У них не было союзников, кроме их же самих, так что слухи об их исключительных заслугах почти не распространялись. Такие истории останутся скорее историями о призраках, которые на поле боя рассказывают, чтобы скоротать время.

И вдруг этот взвод стал отрядом и ядром этой операции.

— ...Джаггернаут, верно? В первый же раз просмотрев записи этого дефектного оружия, я уже не мог поступить иначе. Там также оказались записи их первой миссии, в которой погибли все, кроме старшего лейтенанта Ноузена. Тебя же волновали только их результаты и информация о стиле их боя.

Бортовой журнал Джаггернаута в сжатом виде хранил все данные с момента самого первого запуска. Именно его генерал-майор открыл первым делом. Там было какое-то ненормальное количество записей о сражениях и настолько же впечатляющий список потерь противника. Судя по показаниям самих «восемьдесят шесть», взятым во время допроса после их спасения, это была только одна из трёх запасных машин, которой Шин пользовался, если основная сильно ломалась.

Генерал-майор знал, что его не стоило отправлять в бой. По сравнению с обычными солдатами Союза, Шин был словно слишком острый, заточенный, как бритва, проклятый меч. Если неправильно распорядиться его возможностями, его запросто могли возненавидеть, либо он просто сломается от частого использования. Оказалось, что на самом деле он был безумным мечом, пролившим больше крови, чем предполагалось.

— ...Не привязывайся к нему. Быть может, ты жалеешь этого ребёнка, но он уже стал тем, кто он есть. Его не спасти. Он вырос человеком, чья жизнь – это поле боя. Он живёт от битвы к битве. Война так глубоко засела в нём, что её никакими клещами не вытянуть. Можешь попробовать его защитить, но... война – это всё, что он знает.

— Нет.

Услышав, с какой уверенностью ему возразили, генерал-майор поднял свой единственный глаз. Её ярко-сиреневые глаза пронзили его в ответ.

— Не нужно его жалеть, и уж точно не нам это решать. Мы можем сделать для этих детей лишь одно – дать им столько времени, сколько нужно, чтобы принять решение.

Они так привыкли к сражениям, стали настолько надёжнее любых других солдат, что легко было принять это как должное. Эти дети, эти солдаты, настоящие боевые ветераны, явно имели за плечами огромный боевой опыт, уж точно больше, чем у кого бы то ни было ещё. Даже Грета стала забывать самое важное.

Они всё ещё были детьми, подростками.

И года не прошло с тех пор, как они пришли в Союз. Всем нужно время, чтобы освоиться. Особенно это касалось их, ведь там, откуда они явились, обстановка была совершенно иной. Там они никому не могли довериться. Союз ещё не стал им близок насколько, чтобы они рискнули заняться чем-то, к чему не привыкли. Всё так менялось у них на глазах, что они устроили себе подобие обыкновенной жизни и не хотели большего.

Они знали, как выживать, но не знали, как жить. Каждый день для них по-прежнему был будто последний; и поэтому, лишённые всего, кроме гордости, они по-прежнему не требовали от жизни ничего другого, большего. Так и должно было случиться, ведь им некуда было вернуться и нечего защищать.

Но однажды, когда всё уляжется, быть может, им захочется вернуть всё то, что у них украли. Тогда, если они действительно выберут жизнь на поле боя, несмотря на всё, что они пережили, то это должен быть их собственный выбор, и никто не вправе сделать его за них.

Никто не знает, сколько лет это займёт. Но однажды...

— Сейчас они граждане Союза, но пришли они из другой страны. Мы действительно обязаны так о них заботиться?

— Конечно обязаны. До тех пор, по крайней мере, пока мы не настолько высокомерны, чтобы обращаться с живыми людьми, как с утопающими щенками, которых подобрали где-то на обочине.

Дать крышу над головой, кормить, приставить доброго хозяина — это всё, может быть, говорит об их добрых побуждениях; но всё равно они относились к ним как к домашним животным: никем не принимались во внимание их достоинство и индивидуальность. С этой точки зрения то, что они сделали с «восемьдесят шесть», очень напоминает поступок Республики.

Может быть, такая «доброжелательность» будила в них ещё большую жестокость. Эти люди не были для них равными, им просто дали роль в каком-то спектакле или фильме, которые должны были удовлетворить скромную жажду справедливости.

— И ты думаешь, что мечу, закалённому кровью, выкованному в пламени войны и заточенному душами павших могут быть понятны человеческие чувства?

— Когда-то мы с тобой уже сыграли в эту игру, Ричард. Кажется, я победила... Пусть уже очень скоро Легион забрал у нас всё.

— ...

Генерал-майор тяжело вздохнул.

— Я повторю: не привязывайся к «этому», Грета. Ты видишь в нём кого-то ещё... Кого-то, кого ты когда-то потеряла. Кого-то, кого тебе не вернуть.

— Может и так, но... Разве это плохо?

Наплевав на то, как неприлично это могло выглядеть, она положила руки на стол и наклонилась вперёд. На её лице заиграла слабая улыбка.

— Если те, кто знают о том, что я потеряла, делают такие поспешные выводы, это очень удобно для меня. Я повторяла и буду повторять столько, сколько будет нужно – я не собираюсь смотреть, как дети гибнут на поле боя... Я сделаю всё, чтобы так не случилось, — её улыбка стала отдавать чем-то жутким.

Её красные губы в последнее время были сильно искусаны, но всё же в этом полумраке они изогнулись в сладкую улыбку.

— Эти жалкие транспортные вертолёты недостойны нести моих малышей Валькирий на их спектакль. Дай разрешение выпустить «её».

Генерал-майор поставил локти на стол, а тень от сомкнутых рук упала на нижнюю часть его лица. Он вздохнул.

— ...Значит, её?

— Именно...

Грета чуть кивнула головой. На её форме над грудью слева сияла крылатая эмблема пилота,

которую она не снимала, пусть та уже видала виды.

— ...Нахцерер*.

[П/П: от нем. Nachzehrer. Исходя из вики – мифическое существо из германского средневекового фольклора, часто отождествляемое с вампирами]

<http://tl.rulate.ru/book/36621/1340393>